

Моему папе

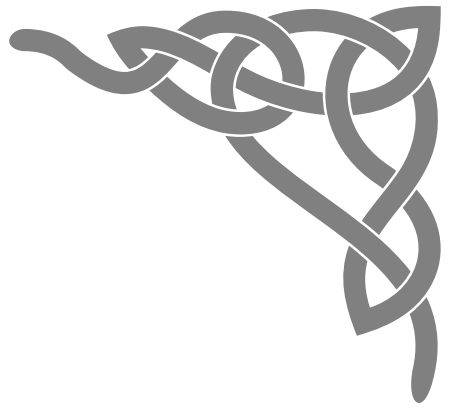

Оглавление

Примечание от автора	9
Часть 1	
Повторяй за мной...	11
Часть 2	
Поздравляем, тебе разрешено перейти на сверхчеловеческий уровень!	65
Часть 3	
Даже ТЫ сможешь освоить язык культов	129
Часть 4	
Хочешь стать #GirlBoss?	179
Часть 5	
Эта минута перевернет твою жизнь... и ты будешь ВЫГЛЯДЕТЬ ПОТРЯСАЮЩЕ!	235
Часть 6	
Подписчики превращаются в адептов	287
Примечания	324
Об авторе	349

Примечание от автора

Некоторые имена и подробности были изменены из соображений конфиденциальности

Часть 1

**Повторяй
за мной...**

i.

Все началось с молитвы.

Таше Самар исполнилось 13, когда до ее ушей впервые донеслось чарующее жужжание их голосов. Сначала ее внимание привлекли молитвенные четки и белые балахоны, закрывающие тело с головы до пят, но больше всего девочку манил их загадочный диалект. Она слышала его через окно студии кундалини-йоги, открывшейся в Кембридже (штат Массачусетс).

— Очень странные молитвы, и все на чужом языке, — рассказывает мне Таша, сидя напротив меня за чашкой кофе с макадамией и молоком в одном из уличных кафе Западного Голливуда. Сегодня ей 29. До эпицентра зловещих событий, приключившихся с ней всего каких-то три года назад, отсюда рукой подать. Глядя на ее накрахмаленный кремовый воротничок и переливающийся шелк волос, вы ни за что не угадали бы, что когда-то она завязывала на голове тюрбан с такой же легкостью, с какой любая другая молодая женщина на этом дворе стянула бы волосы в небрежный пучок.

— Ну да, я и сейчас завязала бы его, если бы потребовалось, — спешит заверить меня Таша, и ее изумительные акриловые бусы мелодично звякают о фарфоровую кружку. Таша, русская еврейка, оказавшаяся в Америке в первом поколении, все детские годы маялась от своей неприкаянности, и потому сплоченность этих йогингов тогда так ее поразила, что, неловко

просунув голову в приемную, она поинтересовалась у секретарши, кто бы это мог быть.

— Девушка за стойкой начала втолковывать мне азы их учения, и чаще всего в ее речи слышались слова «наука сознания»,— вспоминает Таша.— Я не знала, что это значит, но не забывала повторять себе: «Класс! Жуть как интересно попробовать!»

Таша узнала, когда будет следующее занятие, и ее родителям пришлось дать согласие на то, чтобы она посещала студию. Для посещения занятий постоянное членство не требовалось, единственным условием было «открытое сердце». Заучивая и повторяя друг за другом слова молитв на чужом языке, присутствующие склонялись перед мужчиной с длинной жгуче-черной бородой, чья фотография висела на стене студии, освещенной тусклой лампой. Девочка-подросток была очарована всем этим.

— Я словно перенеслась в древний мир,— говорит она.— Словно приобщилась святых тайн.

Кто были эти люди во всем белом? Адепты Сильной, Счастливой, Священной Организации, или ЗСО, альтернативной религии, основанной в 1970-е годы и отпочковавшейся от сикхизма. Они проводили занятия по кундалини-йоге во всех североамериканских штатах. Кто был этот чувак с бородой? Харбхаджан Сингх Хальса (или Йоги Бхаджан), их обворожительный и, несомненно, очень влиятельный лидер, который претендовал (к неудовольствию своих противников) на официальное религиозное и административное руководство всеми западными сикхами и к моменту своей смерти в 1993 году успел нажить состояние в сотни миллионов долларов. Что это был за язык? Гурмуки (письменность современных пенджабцев) и язык священного писания сикхов. Чем

Часть 1

являлось это учение? Неукоснительным соблюдением заповедей Йоги Бхаджана, относящихся к одному из ответвлений «Нью-эйдж». Они предполагали, например, воздержание от мясной пищи и алкоголя¹, согласие на договорной брак, подъем каждое утро в половине пятого для чтения священного писания и посещения занятий по йоге, а также запрет на дружбу со всяким, кто не является последователем учения... или вскоре перестанет им быть.

Таша махнула в Лос-Анджелес сразу, как только ей исполнилось 18, ведь там находилось одно из головных подразделений ЗСО, и в течение следующих восьми лет целиком посвящала все свое время и силы организации. После ряда изнурительных тренировок она стала инструктором кундалини-йоги на постоянной основе, и уже через несколько месяцев после обучения проводила в Малибу занятия с людьми, чьи имена и сегодня у всех на слуху, со знаменитостями, интересующимися духовными практиками — Деми Мур, Расселлом Брэндом, Оуэном Уилсоном, Эдриеном Броуди. Хотя они не стали идейными последователями учения, их присутствие являлось для ЗСО хорошим пиаром. Ташины учителя (свами) молились на нее: ведь она загребала огромные деньги, работая с богатыми и зна-

¹ Хотя в глазах членов ЗСО возлияния выглядели кощунством, в минуты досуга они сами с жадностью пили чай, который поглощали прямо-таки в невообразимых количествах. Надо отметить, что это был Йоги Чай, который можно свободно найти практически в любом американском продуктовом магазине. Это не случайность, создателем и владельцем данного бренда стоимостью в миллионы долларов был сам Йоги Бхаджан. Это не единственное корпоративное начинание ЗСО — в число многих других предприятий группы входит компания «Акал Секьюрити», в портфеле которой лежат контракты чуть ли не со всеми организациями страны — от НАСА до центров временного размещения нелегальных иммигрантов. (Как тогда переводится выражение «могильщик капитализма» на гурмухи?)

менитыми, и к тому же непрерывно вела поиск новых клиентов. Там же, в кафе, Таша вынула из кармана телефон и продемонстрировала мне старые фотографии, на которых она и Деми Мур, облаченные в белые мини-шорты и тюрбаны, кружились в танце в пустыне на фоне древовидных юкк (вечнозеленые растения вроде елей), очевидно, дело происходило на каком-то ретрите. Сейчас Таша медленно взмахивает нарощенными ресницами, а на ее лице расцветает недоуменная улыбка, как будто говорящая: *надо же, сама не могу поверить, что занималась этой ерундой!*

Такая форма послушания, как у Таши, сулила большие перспективы в будущем. Ей достаточно было заучить правильные слова и «присвоить» их. «Это была мантра, направленная на привлечение родственных душ, финансового благополучия, на максимальное улучшение внешности, на рождение более совершенного, более осознанного поколения детей», — поясняет Таша. Ослушались? В следующей жизни вы перевоплотитесь в обличье существа с *более низкой вибрацией*.

Овладев секретными мантрами и кодовыми словечками ЗСО, Таша начинала понимать, что она не такая как все. Избранная. *С более высокими вибрациями*. Когда каждый член группы получал новое имя, этот акт сплывал их. В обмен на членский взнос последователи ЗСО получали особый код-прозвище, который рассчитывался с помощью так называемой тантрической нумерологии или алгоритма специально обученным человеком, назначаемым Йоги Бхаджаном. Все женщины получали одинаковое среднее имя Каур, а всем мужчинам давали имя Сингх. Все носили одну и ту же фамилию — Хальса, и были как одна большая семья. «Принятие нового имени являлось главным условием, — говорит Таша. — Многие даже

Часть 1

меняли имена в водительских правах». Еще в прошлом году в калифорнийском удостоверении личности Таши Самар значилось: Дайя Каур Хальса.

Но часто за безобидными занятиями йогой и покровительством высокопоставленных лиц в ЗСО таились очень опасные вещи— психологическое и сексуальное насилие со стороны Йоги Бхаджана, принудительное голодание и лишение сна, угрозы расправой всякому, кто попытается покинуть братство, и даже одно нераскрытое убийство. Как только последователи полностью усваивали жаргон братства, руководство начинало использовать его для контроля. Угрозы оформлялись в виде фраз: «куриные мозги», «негативное сознание», «мозг ящера». Откуси украдкой кусочек от аппетитного мясного бургера у товарища, пропусти занятие по йоге, и вот уже словосочетание *мозг ящера, мозг ящера, мозг ящера* каруселью кружится в твоей голове. Нередко знакомые фразы, которые когда-то несли позитивный смысл, переиначивались, чтобы обрести некое угрожающее значение. «Например, «старая душа»,— говорит мне Таша. Для среднестатистического человека это словосочетание, скорее всего, означает, что кто-то умен не по годам. Это комплимент. Но в ЗСО это выражение вызывало ужас. «Оно означало человека, перевоплощающегося из одной жизни в другую, которого эти перевоплощения так ничему и не учат»,— объясняет Таша. Вот уже три года, как она спаслась бегством из ЗСО, но до сих пор чувствует себя не в своей тарелке, когда слышит эту фразу.

В 2009 году, вскоре после прибытия Таши в Южную Калифорнию, где она собиралась посвятить жизнь ЗСО, еще одна ее ровесница в возрасте 18 лет переехала в Лос-Анджелес, также планируя начать новую жизнь. Ее звали Алисса Кларк. Из Оре-

гона она отправилась на калифорнийское побережье и поступила в университет. Чтобы не набрать пресловутые пять килограммов¹, Алисса решила попытаться записаться в фитнес-клуб. Ей никогда не нравилась ее внешность, но она потеряла всякую уверенность в себе, когда осознала, до какой степени развита лос-анджелесская фитнес-культура. Поэтому, встретившись в праздники с родственником, который недавно записался на новую физкультурную программу, но уже успел сбросить тонну веса и теперь под его блестящей кожей перекачивались мускулы, Алисса подумала: *«Черт возьми, надо испытать это на себе»*.

Новый фитнес-клуб прозывался «КроссФит» и арендовал помещение прямо напротив общежития Алиссы. Возвращаясь с перерыва между учебой вместе со своим парнем, она записалась на вводное занятие. Взмокшие, словно изваянные скульптором инструкторы, излучавшие вдохновляющую энергию, открыли Алиссе огромный новый мир, насыщенный неслышанной ею прежде терминологией. Тренажерный зал был не тренажерный зал, а кабинка. Инструкторы не были преподавателями или тренерами, они были коучами. Их упражнения состояли из «функциональных движений». Ученику задавали УД (упражнение дня), которое могло заключаться во взятии штанги на грудь и ее последующем силовом рывке вверх. Ученик выполнял ЖШЛ (жим штанги лежа), ППП (приседания со штангой на плечах), ПГП (подтягивание груди к перекладине) и наживал ОМС (отложенный мышечный спазм). Кто не любит запоминающихся аббревиатур? Алисса восхищалась мнимой дружностью кроссфитеров (такова была их культура) и жарго-

¹ Имеются в виду пять килограммов, которые набирают студенты на первом курсе, заедаая стресс. — Прим. пер.

низмами собственного сочинения этих преисполненных решимости людей.

Фотография основателя «КроссФит» Грега Глассмана (посвященные знали его под именем Отец УД или просто Коуч) висела на стене кабинки Алиссы рядом с одной из его самых известных цитат, мантрой фитнеса, которая вскоре отпечаталась в ее мозгу: «Ешь мясо и овощи, орехи и семена, немножко фруктов, горстку мучного и никакого сахара. Принимай пищу в количествах, необходимых для упражнений, но старайся не растолстеть. Практикуйся и тренируйся в подъеме тяжестей... изучай основы гимнастики, катайся на велосипеде, бегай, плавай, занимайся греблей... с упорством и быстротой. Пять или шесть дней в неделю». Алисса дивилась целеустремленности, с которой «КроссФит» формировал мировоззрение учеников не только в кабинке, но и в реальной жизни. Подбадривая учеников, чтобы те занимались с бóльшим упорством, коучи могли рявкнуть: «Жопой к земле!» (мотивационная фраза, которая отдавалась в голове Алиссы во время занятий и даже на работе). Помогая усвоить философию «КроссФит», они повторяли аббревиатуру ВВВ, что означало: «Все во всем».

Когда Алисса обратила внимание, что все в ее кабинке одеты в спортивную одежду от «Лулулемон», она пошла и выкинула 400 долларов на дизайнерское тренировочное барахло. (Даже у «Лулулемон» есть собственный узнаваемый жаргон. Изречения печатаются поперек всех пакетов фирмы, так что покупатели, выходя из магазина, уносят с собой не только пакет, но и мантры: «Немного отличает наркомана от спортсмена-фанатика», «Представьте свою безвременную смерть» или «Друзья важнее, чем деньги» — в чеканных формулировках так называемого «племенного» вождя, основателя компании Чипа

Уилсона, возрастной копии «солдата Джо», или того же Грега Глассмана, чьи адепты не менее набожны. Как знать, может быть, фитнес вдохновляет на религиозность?)

Как только Алисса узнала, что многие кроссфитеры придерживаются палеолитической диеты, она исключила из рациона глютен и сахар. Если она планировала загородную поездку и понимала, что пропускает урок, поднимала по тревоге приятеля, пока группа в соцсети не опорочила ее доброе имя за неявку. Все коучи и ученики встречались друг с другом, и поэтому после расставания с парнем Алисса сошлась с тренером, которого звали Флекс (от рождения он звался Энди, но сменил имя, когда записался в кабинку).

А теперь, внимание, вопрос: что общего у историй Алиссы и Таши?

Ответ: и первая, и вторая находились под влиянием культа. Если вы скептически относитесь к присваиванию одного и того же «сектантского» прозвища как ЗСО, так и «КроссФиту», то это хорошо. Так и надо сделать. А пока что давайте договоримся: даже если одна из наших героинь разойдется с партнером, потеряет друзей, у нее возникнет ПТСР¹, а другая наживет себе растяжение ахиллова сухожилия, зато найдет покладистого партнера на социальном пособии и с ворохом заоблачно дорогих леггинсов, можете не сомневаться, что однажды Таша Самар и Алисса Кларк проснутся в разных уголках Лос-Анджелеса и поймут, во что вляпались, хотя не смогут сколько-нибудь внятно себе это объяснить.

Несмотря на то что ставки в игре и последствия их страстей значительно разнятся между собой, методы защиты

¹ ПТСР — посттравматическое стрессовое расстройство. — *Прим. пер.*

власти культа до ужаса идентичны, как-то: выстраивание общности и солидарности, разделение мы–они, ориентация на коллективные ценности, оправдание подозрительного поведения, насаждение определенной идеологии и, наконец, внушение чувства страха.

А самые эффективные техники не имеют ничего общего с наркотиками, сексом, бритоголовостью, коммунами в сельской глуши, греческими туниками или отравленным соком «Кул-Эйд»... нет, они обходятся исключительно лингвистическими средствами.

II.

Для современной американской культуры сектантские группы являются тотальным наваждением. Дебютный роман Эммы Клайн «Девочки» стал литературным открытием 2010 года. В романе описывается хроника летних событий конца 1960-х: скужающая девочка-подросток заигрывает с культом, построенным по модели «семьи» Мэнсона. По отзывам критиков, документальный фильм телеканала HBO о сайентологах «Путь к клиру» (2015) «никого не оставил равнодушным». Аналогично высокую оценку получил документальный сериал Нетфликс «Дикая-дикая страна» (2018). В нем рассказывается о гуру Ошо (Бхагван Шри Раджниш), чья личность вызвала немало споров, о его ашраме Раджнишпурам, причем события сопровождаются хипповым саундтреком и винтажными фотографиями рыжебородых апостолов Ошо. Лента завоевала премию «Эмми», и ее миллион раз просмотрели онлайн. Когда я начала писать эту книгу, все мои друзья только и говорили об ужастике «Солнцестояние» (2019), повествующем в жанре фолк о вымышленном кровожадном дионисийском культе, который практиковался в Швеции и сопровождался психоделическими секс-ритуалами и человеческими жертвоприношениями. А в 2020 году, когда я редактировала эту книгу, только и было разговоров, что о конкурирующих документальных сериалах «Клятва» и «Обольщенные». Речь там, в частности,

шла о «Нексиуме», семинаре личностного роста, на самом деле представлявшем собой аферу, участники которой занимались торговлей людьми с целью сексуальной эксплуатации.

Колодец, куда проваливаются творения, чьи авторы вдохновлялись различными культурами и интригами вокруг них, бездонен. Когда речь заходит о гуру и их группах, мы просто не можем оторваться от этой темы.

Я слышала, как психологи объясняют, что ротозейство на автострадах вызывает абсолютно реальную физиологическую реакцию: человек наблюдает ДТП или другой несчастный случай (или просто читает газетный заголовок с новостями о несчастном случае), и миндалевидная железа, которая контролирует эмоции и память, отвечая за тактику выживания, начинает посылать сигналы в лобный отдел коры головного мозга, он же центр решения задач, чтобы тот нашел ответ: представляет ли этот несчастный случай непосредственную угрозу для человека? Даже если вы сидите ровно, режим «бей или беги» так или иначе активизируется. Разве не потому миллионы людей увлекаются документалками о культурах или ныряют в кроличью нору расследований о Джонстауне и Кью-анон¹, что в нас сидит сторбленный вуайерист, которого необъяснимо влечет к себе тьма? Все мы насмотрелись автомобильных катастроф и прочли достаточно разоблачительных материалов о культурах, и, если бы нас интересовали только истории о привидениях, мы уже зевали бы со скуки. Но нам не скучно, потому что продолжаем охотиться за полноценным ответом на вопрос: с какого перепугу вроде бы нормальные люди вступают и, что важнее, сохраняют членство в фанатичных экстремистских

¹ Кью-анон — распространенная в США теория заговора. — *Прим. пер.*

группах с экстремистскими идеологиями? Выискивая опасности в окружающей среде, однажды мы удивляемся: *неужели все люди поддаются сектантскому влиянию?* Может ли это случиться с тобой? Или со мной? А если это случится с нами, то каким образом?

Обычно наша культура предлагает весьма поверхностные ответы на вопросы о влиянии культов, предпочитая отделяться туманными рассуждениями о «промывании мозгов». Почему погибли эти несчастные в Джонстауне? «Они выпили «Кул-Эйд!» Почему обесчещенные жены-сестры мормона Коди Брауна не пытаются выпутаться из опасной ситуации, как только у них появляется такой шанс? «Они внушаемые!» Ясно как божий день.

Но на самом деле все не так просто. **По сути дела, промывание мозгов — это псевдонаучная концепция, разоблачаемая большинством психологов, с которыми мне удалось поговорить (подробнее об этом чуть позже).** Менее далекие от истины ответы на вопрос о влиянии культа найдутся только тогда, когда будут заданы правильные вопросы: к каким техникам обращаются харизматичные лидеры, эксплуатируя базовые потребности людей в общении и смыслополагании? Каким образом они культивируют такую власть?

Как выясняется, ответ лежит вовсе не в сфере какой-то безумной, крышесносной магии, чьи адепты обжили забытую Богом коммуны, а участники наряжаются в цветочные венки и пляшут под солнцем (это Коачелла¹... фестиваль, который тоже является своего рода культом).

¹ Коачелла — трехдневный фестиваль, проводимый в штате Калифорния. — Прим. пер.

Правильный ответ сводится к изобретению слов. От искусного переопределения имеющихся слов (и изобретения новых) до могущественных эвфемизмов, секретных кодов, переименований, модных словечек, песнопений и мантр, «говорения на языках», обетов молчания и даже хэштегов — главным средством всех уровней воздействия, похожего на сектантское, является язык.

Духовные гуру знают об этом, потому что они эксплуатируют психологию людей, но также об этом знают создатели пирамид, политики, генеральные директора стартапов, теоретики онлайн-заговоров, фитнес-тренеры и даже инфлюенсеры в социальных сетях. Как в положительном, так и в отрицательном смысле, «язык культов» — это то, что мы слышим и от чего ежедневно зависит наше настроение. Наша бытовая речь — на работе, занятиях по фитнесу, в социальных сетях — свидетельствует о разных уровнях нашей «культовой» вовлеченности. Просто надо знать, к чему прислушаться. Впрочем, пока мы отвлекаемся на эксцентричные наряды¹ «семьи» Мэнсона и дружную китчевую «культовую» иконографию, упускаем из виду

¹ Увлечение культовым прикидом имеет глубокие корни: в 1997 году 39 членов «Врат Рая», альтернативной НЛО-религии, о которой мы поговорим во второй части книги, участвовали в массовом самоубийстве, при этом все они были одеты в одинаковые пары черно-белых кроссовок «Найк» выпуска 93-го года. Двое выживших последователей секты утверждают, что их лидер выбрал кроссовки без особых причин, руководствуясь исключительно соображениями экономии. После трагедии компания «Найк» поспешно прекратила выпуск этой модели (ничто так не может испортить репутацию вашей продукции, как массовое самоубийство), но эти кроссовки мгновенно превратились в объект пристального внимания коллекционеров. На момент написания этой сноски, через 22 года после роспуска «Врат Рая», пара «Найк» 12-го размера 1993 года выпуска продавалась на аукционе eBay за 6600 долларов.

такой момент: один из самых важных факторов, приводящих людей к состоянию абсолютной лояльности и удерживающих их в этом состоянии, сокрыт от нашего взгляда.

Хотя у «языка культов» разные личины, все харизматичные лидеры — от Джима Джонса и Джеффа Безоса до инструкторов Цикла души — используют одни и те же основные лингвистические средства. Это книга о языке фанатизма во многих его ипостасях: о языке, который я называю *сектантским* (как тот же английский, испанский или шведский). В первой части этой книги я рассмотрю язык, который мы используем в разговоре о сектантских группах, одновременно развенчивая некоторые широко распространенные мифы о том, что вообще означает слово «культ». Затем, во второй, третьей, четвертой и пятой частях будут раскрыты ключевые элементы языка сект и их роль в разоблачении последователей таких деструктивных групп, как «Врата Рая» и сайентология... но также в их проникновении в нашу бытовую речь. Мы узнаем, почему на протяжении всей человеческой истории и в наши дни люди становятся фанатиками либо добра, либо зла. Как только поймете, как звучит «язык сект», вы уже не перепутаете его ни с каким другим.

Язык — это харизма лидера. Именно он толкает последнего на создание собственной мини-вселенной (системы ценностей и истин), а затем побуждает последователей прислушиваться к правилам их гуру. В 1945 году французский философ Морис Мерло-Понти писал, что язык — это среда обитания человеческих существ, так же как «вода — это среда обитания рыбы». Так что нельзя сказать, что иностранные мантры Таши и аббревиатуры Алиссы сыграли какую-то второстепенную роль в формировании их «культового» опыта. Скорее, поскольку слова являются средством,

с помощью которого создаются, развиваются и крепнут системы верований, фанатизм принципиально не мог бы существовать без них. «Без языка нет верований, идеологии или религии», — писал мне Джон И. Джозеф из Шотландии, профессор прикладной лингвистики Эдинбургского университета. «Этим понятиям необходим язык как условие их существования». Без языка нет и не может быть никаких «культов».

Разумеется, можно придерживаться взглядов, не формулируя их в открытую, и также верно, что если Таша или Алисса не захотели бы уверовать в изречения своих лидеров, то никакой набор слов не смог бы удержать их от осуществления задуманного. Но при желании язык может эффективно подавить самостоятельность мысли, затуманить истины, возродить конформистские предрассудки и осуществить эмоциональную накачку событий, чтобы другой образ жизни выглядел для человека невозможным. Манера общения может многое рассказать нам о том, с кем человек отождествляет себя, кто повлиял на него, где заканчивается его лояльность.

Мотивы языка, в котором звучат сектантские словечки, не всегда являются мошенническими. Иногда они вполне разумные, скажем, направлены на укрепление чувства солидарности или сплочивания людей вокруг гуманитарной миссии. Одна из моих лучших подруг работает в некоммерческой организации помощи больным с онкологией и приносит с работы домой веселенькие истории про модные словечки вроде любовной бомбардировки, а также квазирелигиозные мантры. Сотрудники повторяют их, чтобы сборщики пожертвований не падали духом: «Потом — значит сегодня», «Это наша неделя побед», «Взлетим выше и дальше», «Вы — величайшее поколение воинов и героев в этой головоломной борьбе с онкологи-

ей». «Похожим образом выражаются сотрудники организаций многоуровневого маркетинга», — говорит она мне (имея в виду такие культовые компании прямых продаж, как «Мэри Кей» и «Амвей» — об этом чуть позже). — Напоминает культ, но ради благого дела и, кстати, это работает». В пятой части этой книги мы узнаем про все виды песен и гимнов, звучащих в студиях «культового фитнеса», которые могут выглядеть провокационно-сектантскими в глазах непосвященных скептиков, но на самом деле не таких уж деструктивных, если прислушаться.

Какими бы побуждениями мы ни руководствовались, дурными или хорошими, с помощью языка можно подвести членов группы к одной и той же идеологической точке зрения. Помочь им почувствовать себя частью большего. «Язык обеспечивает культуру взаимопонимания», — говорит Эйлин Баркер, социолог Лондонской школы экономики, которая изучает новые религиозные движения. Но везде, где есть фанатично обожаемые лидеры и объединенные верой клики, присутствует и определенное психологическое давление. Эта ситуация может являться банальностью (как, скажем, распространенный случай синдрома упущенной выгоды) или коварством (как принуждение к совершению насильственных преступлений). «Откровенно говоря, язык — это все, — сказал мне приглушенным тоном один бывший сайентолог во время интервью. — Он изолирует человека. Он вынуждает его чувствовать себя особенным, как будто у него имеется знание, потому что имеется другой язык общения».

Однако, прежде чем займемся изучением основ языка культов, мы должны сосредоточиться на ключевом определении: что вообще означает слово «культ», если быть точным? Оказывается, что придумать одно убедительное определение как ми-

нимум непросто. Когда я занималась своими исследованиями и писала эту книгу, мне казалось, что я стала хуже понимать это слово. Его смысл стал расплываться. Я не единственный человек, который пришел в замешательство, пытаюсь дать точное обозначение слову «культ». Недавно я провела небольшой уличный опрос в районе моего дома в Лос-Анджелесе. Я опросила пару десятков прохожих: что, по их мнению, означает это слово? Ответы варьировались: «группка верующих во главе с лживой фигурой, обладающей абсолютной властью» или «любая группа людей, которые чем-то серьезно увлечены». Были и такие: «допустим, может быть культ чего угодно, я прав? Например, культ кофе или культ серфинга». И ни в одном ответе не сквозило уверенности.

У этого пробела в области поиска смыслов есть своя причина. Она связана с тем, что захватывающая этимология слова «культ» (которую я вскоре изложу) точно соответствует вечно изменчивому отношению нашего общества к духовности, сплоченности, смыслу и идентичности — к отношению, которое становится довольно... *странным*. Изменения в языке отражают изменения в обществе, и на протяжении 10-летий, по мере того как наши источники солидарности и экзистенциальные цели менялись из-за таких феноменов, как соцсети, ускорение глобализации и отпадение от традиционных религий, мы наблюдали появление большего количества альтернативных подгрупп — одни из них опасны, другие не так чтобы... Понятие «культ» развилось и поглотило их целиком.

Я пришла к выводу, что «культ» стал одним из тех терминов, которые могут обладать совершенно разным смыслом в зависимости от контекста разговора и взглядов говорящего. Его можно использовать или как

разоблачительное обвинение, подразумевающее смерть и падение, или как дерзкую метафору, предполагающую не что иное, как несколько одинаковых личин, или как позитивный настрой говорящего, или как практически все промежуточные состояния.

В современном дискурсе кто-то может употребить слово «культ» применительно к новой религии, группе онлайн-радикалов, стартапу, косметическому бренду, и т. д., и т. п. Несколько лет назад, работая в глянцево-журнале, я сразу обратила внимание на то, насколько привычным делом для косметических брендов было использование словечка «культ» в качестве маркетингового термина, вызывающего шумиху при выводе на рынок новой продукции. Беглый поиск этого слова в моем старом рабочем почтовом ящике принес тысячи результатов. «Только взгляните на следующее культовое явление», — говорится в пресс-релизе линии модной косметики, автор которого готов побиться об заклад, что новая пудра так называемой культовой лаборатории «приведет в бешенство не мыслящих себя без красоты и повернутых на макияже». Еще один ход косметической компании «ТрайбТокс»: она готова поклясться, что их «Культовый арсенал фавориток» за 150 долларов, представленный эликсирами, заряженными каннабидиолом, — «это не только уход за кожей, это бесценный подарок, шанс расслабиться, полюбить себя такой, какая ты есть, и справиться с любыми проблемами, на которые не скупится жизнь». Бесценная возможность? *Панацея?* Обещанные эффекты этого крема для глаз мало чем отличаются от обещаний духовного шарлатана.

Каким бы запутанным ни выглядел этот ассортимент «культовых» определений, похоже, что мы уверенно ориентируемся в нем. Социолингвисты обнаружили, что, как правило, слу-

шатели неплохо соображают, делая контекстуальные выводы о смыслах и ставках игры, подразумеваемых всегда, когда в разговоре звучит знакомое слово. И можно сделать вывод, что, говоря о культе Джонстауна, мы подразумеваем нечто иное, чем «культ» средств по уходу за кожей с каннабидиолом или поклонники Тейлор Свифт. Конечно, может найтись и неверное толкование, как это бывает с языком. Но в целом большинство опытных собеседников понимают, что, описывая фанатов какой-то категории фитнеса как «последователей культа», мы можем подразумевать их глубокую лояльность этому виду фитнеса, которая иногда напоминает религиозность, но, вероятно, мы не будем беспокоиться, что их финансовое благополучие пошатнется и похоронит несчастных под обломками, или же они перестанут разговаривать с близкими (по крайней мере, это не является условием членства в клубе). Что касается поклонников Тейлор Свифт или слушателей курса «Цикл души», здесь слово «культ» может служить метафорой, допустим, можно сравнить школу или работу с тюрьмой, имея в виду репрессивную среду или строгое начальство, не задумываясь, что фрагмент текста о тюремных камерах воспримут буквально.

Когда я впервые обратилась с просьбой об интервью к Тане Лурманн, психологу-антропологу из Стэнфорда и известному специалисту по маргинальным религиям, она ответила: «Дорогая Аманда, я была бы рада поговорить. Я думаю, что «Цикл души» — это культ?». Но потом, вовремя нашего разговора, она уточнила, что это заявление было пародией или еще чем-то в этом роде, и она, конечно же, никогда не заявила бы об этом официально. Что я, разумеется, уже и сама успела понять. Мы еще встретимся с Таней на страницах этой книги.

Когда речь идет о таких группах, как «Цикл души», словом «культ» описывается яростная приверженность участников своему культурному кружку, что вполне может напомнить о некоторых аспектах, связанных с опасными сообществами, близкими к секте Мэнсона, — обязательствах в виде трат денег и времени, конформизме и пафосном лидерстве (все это, безусловно, может оказаться токсичным), но только не о полной изоляции от окружающих или несовместимой с жизнью лжи и насилии. Понятно, что потенциальная гибель членов или их физическая неспособность свести счеты с жизнью здесь не рассматриваются.

Но, конечно, в жизни не существует бинарной пары «хороший культ/плохой культ». Сектантское влияние не выходит за границы определенного диапазона. Стивен Хассан, консультант по психическому здоровью, автор книги «Культ Трампа» и один из крупнейших экспертов по культам в стране, описал континуум влияния, представляющий сектантские группы от здоровых и конструктивных до нездоровых и деструктивных. Хассан говорит, что группы, преследующие деструктивные цели, используют три вида лжи: замалчивание необходимых знаний, искажения ради допустимости любых слов и, наконец, наглая ложь. Одно из основных различий между так называемыми этическими культами (Хассан ссылается на любителей спорта и музыки) и деструктивными культами состоит в том, что этическая группа будет прямо описывать свои предмет веры, а также ожидания от вашего участия в группе. И уход оттуда практически не повлечет за собой серьезных последствий. «Если вы скажете: «я нашел группу получше» или «я больше не увлекаюсь баскетболом», остальные участники не станут вам угрожать, — поясняет Хассан. — У вас не будет ир-

рациональных страхов, что вы сойдете с ума или будете одержимы демонами»¹.

Или, как верила наша бывшая участница ЗСО, Таша, ты превратишься в таракана. «До глубины души»,— ответила Таша, когда я поинтересовалась, действительно ли она верила, что если совершит серьезный проступок, например, переспит со своим гуру или покончит с собой, то возродится в виде омерзительного насекомого. Более того, Таша верила, что, если ты умрешь в присутствии святого, перевоплотишься на более высоком уровне. Однажды она обнаружила в общественном туалете таракана и была уверена, что это свами, который в прошлой жизни совершил ужасное преступление и пытался вернуться на более высоких вибрациях. «Я подумала: «Боже мой, он пытается умереть рядом со мной, потому что я благородный учитель»,— содрогается Таша. Когда таракан шмыгнул в полную воды раковину, Таша открыла пробку, чтобы он не имел чести утонуть рядом с ней. «Я испугалась и выбежала из уборной,— вспоминает она.— Наверное, это была вершина моего безумия».

В свою очередь, наш кроссфитер Алисса Кларк рассказала мне, что больше всего она боялась, что ее обзовут в их группе

¹ Впрочем, «культура фанатов», которые, подобно приверженцам религиозного учения, поклоняются и защищают таких музыкальных звезд, как Тейлор Свифт, Леди Гага и Бейонсе, стала рискованнее, чем фэндом знаменитостей прошлых поколений. В 2014 году психиатрическое исследование показало, что фанаты знаменитостей большей частью борются с такими психосоциальными проблемами, как телесная дисморфия, одержимость косметической хирургией и неверное суждение о межличностных границах, а также с психическими расстройствами, например, с тревогой и социальной дисфункцией. То же исследование выявило, что фанаты могут демонстрировать качества нарциссизма, склонности к преследованию и диссоциации. Подробнее о взлетах и падениях «культов знаменитостей» мы поговорим в шестой части книги.

в соцсети лентяжкой, если она пропустит тренировку. Или, если она решит бросить кабинку и вместо этого займется, скажем, велоаэробикой (не дай Бог), ее старые приятели и любовники могут медленно исчезнуть из ее жизни.

Именно с целью классификации данного широкого спектра культовых сообществ мы придумали речевые определения, такие как «последователь культа», «культовый» и (как же без него?) «сектантский».

III.

На самом деле слово «культы» вовсе не случайно обрело такой хрестоматийный смысловой оттенок.

XXI век породил атмосферу социально-политических волнений и недоверия к таким давно устоявшимся институтам, как церковь, правительство, крупные фармацевтические компании и крупный бизнес.

Это идеальный социальный рецепт создания новых и нетрадиционных групп — от сообществ убежденных холостяков в Reddit до популярных зожников-инфлюенсеров, которые обещают ответить на вопросы, на которые не могут дать ответ стандартные группы, и поэтому первые выглядят свежо и привлекательно на фоне последних. Добавь сюда рост социальных сетей и рост числа разводов, и общекультурная тенденция к изоляции окажется на рекордно высоком уровне. А гражданская активность, наоборот, на рекордно низком. В номере журнала «Форбс» за 2019 год одиночество назвали эпидемией.

Люди очень плохо переносят одиночество. Мы не созданы для него. Еще с первобытных времен человечество с целью выживания объединялось в сплоченные группы, племена единомышленников. Но, помимо явных преимуществ с точки зрения эволюции, находясь в группе, мы ощущаем еще и таинственную вещь, называемую счастьем. Как установили нейробиологи, когда участвуем в сплывающих религиозных риту-

алах, например, в коллективных песнопениях и распевах, наш мозг вырабатывает такие приятные химические вещества, как дофамин и окситоцин. Наши предки, кочевники-охотники-собиратели, толпились на деревенских площадях, совершая ритуальные пляски, хотя никакой практической необходимости в них не было. Современные граждане таких стран, как Дания и Канада, где приоритетны связи внутри общины (благодаря превосходной работе общественного транспорта, соседским кооперативам и т. д.), сообщают о более высоком уровне удовлетворенности и самореализации. Все исследования показывают, что люди изначально являются социальными и духовными существами. Наше поведение обусловлено стремлением к солидарности и цели. Мы — «сектанты» от природы.

Данное основополагающее и непреодолимое желание человека общаться выглядит трогательно, но, если его направить по неверному пути, в некоторых случаях даже здравомыслящий индивид может совершать абсолютно иррациональные поступки. Рассмотрим такое классическое исследование: в 1951 году психолог Соломон Аш из Суортморского колледжа собрал полдюжины студентов, чтобы провести с ними простенький «зрительный тест». Аш показал студентам четыре вертикальные линии, при этом все они, кроме одной, были одинаковой длины. Ученый попросил участников указать на две идентичные линии. Существовал один очевидно правильный ответ, для которого не требовалось никаких навыков, кроме зрительного, но оказалось, что, если первые пять студентов давали очевидно неправильный ответ, то далее 75% испытуемых игнорировали свои здравые суждения и соглашались с мнением большинства. В некоторой степени, именно из-за сильной боязни остракизма и принуждения к подчинению принадлежность к группе

кажется такой правильной. Харизматичные лидеры, от Йоги Бхаджана из ЗСО до Грега Глассмана из «КроссФита», научились направлять и использовать эти факторы в своих целях.

Раньше, когда людям требовались сплоченность и ответы на вопросы, они по умолчанию обращались к организованной религии. Сегодня такое случается все реже. **Ежедневно все больше и больше американцев отказываются от своей принадлежности к господствующим церквям и разбредаются кто куда.** На титул «духовных, но не религиозных» людей претендуют большинство моих друзей старше 20 лет. Согласно данным исследовательского центра Пью в Вашингтоне за 2019 год, четверо из 10 миллениалов не отождествляют себя ни с какой религиозной идентичностью, это почти на 20% больше, чем семь лет назад. В ходе исследования, которое провела Гарвардская школа богословия в 2015 году, выяснилось, что молодые люди продолжают стремиться «как к глубокому духовному опыту, так и к общению», чтобы в их жизни появился смысл, но меньше, чем когда-либо, удовлетворяют эти потребности в традиционной вере.

С целью классификации этой стремительно растущей демографической группы отлученных от религии, ученые придумали такие термины, как «Никакие» и «Перемешанные». Последний термин изобрела Тара Изабелла Бертон, теолог, репортер и автор книги «Странные обряды: новые религии для безбожного мира». Термин «Перемешанные» означает, что современные искатели смешивают и сочетают верования и ритуалы разных групп (религиозных и светских), планируя день по своему духовному графику. Допустим, приложение для утренней медитации, дневной «Цикл души», а затем ультра-реформистская пятничная вечерняя встреча шаббата с друзьями.

Иногда духовный смысл учения никак не связан с Богом. В исследовании Гарвардской школы богословия «Цикл души» и «КроссФит» были включены в число групп, приписывающих американской молодежи современную религиозную идентичность. «От него получаешь то же самое, что от религии, а именно ощущение, что твоя жизнь имеет смысл», — рассказала мне Чани Грин, 26-летняя актриса и убежденный последователь «Цикла души». Она живет в Лос-Анджелесе и помешана на тренировках. «Цинизм, который сейчас в тренде, практически антигуманен. Нам необходимо почувствовать связь с высшими силами, осознать, что мы посланы на Землю не просто так, чтобы позже умереть. В «Цикле души я ощущаю эту связь на протяжении 45 минут».

Если сравнение спортивных тренировок с религией кажется вам кощунством, знайте, что, как бы ни было сложно дать определение термину «культ», в течение веков богословами велись куда более ожесточенные споры на тему классификации религии. У тебя может появиться чувство, что христианство — это религия, а фитнес — нет, и даже экспертам трудно понять почему. Мне нравится взгляд Бертона на этот вопрос: она говорит даже не о том, что такое религия, а о формировании следующих четырех категорий: смысл, цель, чувство общности и ритуал. Ищущие находят их в церкви все реже и реже.

Более того, для современных сектантских групп наступило раздолье потому, что они помогают обуздать разгул жизни в беспокойном мире, который почти всегда предлагает слишком много возможностей для спрашивающих, кем им стать (или хотя бы иллюзию этих возможностей). Однажды терапевт сказал мне, что неупорядоченная гибкость — это не гибкость, а просто хаос. Так сложилась жизнь многих людей. На протя-

жениии большей части американской истории у человека было сравнительно немного возможностей реализоваться в таких сферах, как карьера, хобби, место жительства, романтические отношения, диета, эстетика — т. е. все, за что ни возьмись. Однако XXI век предлагает гражданам (правда, обладающим определенными привилегиями) богатейшее меню, как в ресторане «Чизкейк Фактори». Один только перечень «блюдов» шокирует, особенно в эпоху радикального самосозидания, когда общественное мнение заставляет нас создавать сильный «личный бренд». И все-таки, наличие духовности и базового навыка выживания у современной молодежи вызывает куда большие опасения, чем раньше. Есть такая байка, что родители миллениалов говорили им, что, когда те вырастут, смогут стать, кем захотят, но затем этот магазинный отдел с овсяными хлопьями бесконечных «а что, если» и «как могло бы быть» привел их в такое замешательство, что им понадобился гуру, который показал бы, что именно следует выбирать.

«Я хочу, чтобы кто-нибудь говорил мне, какую одежду мне надевать каждое утро. Я хочу, чтобы кто-нибудь говорил мне, что я должна есть», — признается 33-летняя героиня Фиби Уоллер Бридж своему сексуальному священнику во втором сезоне сериала «Дрянь», получившего премию «Эмми». «Что ненавидеть, из-за чего злиться, что слушать, какую группу любить, на что покупать билеты, над чем смеяться, над чем не смеяться. Я хочу, чтобы кто-то сказал мне, во что верить, за кого голосовать, кого любить, и как об этом говорить. Я просто думаю, что мне хочется, чтобы кто-то сказал мне, как жить».

Этот парадокс выбора упрощается, когда мы следуем за гуру, который дарит шаблон идентичности — от прически до политических убеждений. Эту концепцию можно применить

к таким духовным экстремистам, как сайентологи и члены ЗСО, а также к сторонникам таких «культовых брендов», как глянце-вые журналы и знаменитости из соцсетей. Одно только право заявить: «Я девушка из глянца» или «Я последователь доктора Джо Диспенза» (сомнительная звезда учения о самопомощи, с ним мы познакомимся в шестой части книги) снимает с вас груз ответственности, вызванной необходимостью анализировать большое число независимых вариантов выбора на тему: что вы думаете и кто вы такой? Эта необходимость сужает обескураживающее количество вариантов нужных вам ответов до нескольких приемлемых. Можно просто задать вопрос: «Как поступила бы девушка из глянца?» И на данной основе принимать все свои ежедневные решения — какими духами пользоваться, какие новости слушать.

Волна перемен, которая увела нас от господствующих в обществе институтов к нетрадиционным группам, совсем не нова. Это явление мы наблюдали во всех странах мира на разных этапах человеческой истории. Общественный интерес к так называемым культам (как желание вступить в них, так и просто увлечение этой темой) чаще наблюдается тогда, когда в обществе задаются экзистенциальные вопросы. Большинство альтернативных религиозных лидеров приходят к власти не ради эксплуатации своих учеников, а ради того, чтобы те успешно прошли через социальные и политические потрясения. Иисус из Назарета (наверное, вы знакомы с ним) явился в эпоху, которая считается самым тяжелым временем в истории Ближнего Востока (а это действительно о чем-то говорит). Жестокая, экспансионистская Римская империя заставила людей искать проводника, который не принадлежал бы к традиционным институтам и мог бы их вдохновить и защитить. Полтора тысячелетия спустя, в бурные

времена европейского Ренессанса, возникли десятки «культов» как противовес католической церкви. В Индии XVII века маргинальные группы образовались из-за социальных разногласий, возникших в результате перехода к сельскому хозяйству, а позже как протест против британского колониализма.

Неизменная популярность «культов» в США, в отличие от других развитых стран, связана с нашей разновидностью протестов. Как правило, в странах с самым высоким уровнем жизни самый низкий уровень религиозности. Но по сравнению с другими регионами, которые отличает высокий уровень образования и высокая продолжительность жизни, такими, как Япония и Скандинавия, население Штатов одновременно и высокоразвито и очень набожно (даже со всеми нашими «Никакими» и «Перемешанными»). Такое расхождение отчасти объясняется тем, что, в то время как граждане других развитых стран пользуются ассортиментом нисходящих благ, куда входят, например, всеобщее здравоохранение и всевозможные системы социальной защиты, в США подобное не практикуется. «Японцы и европейцы знают, что в трудную минуту правительство придет им на помощь»,— пишет в «Сайкологджи Тудей» доктор Дэвид Ладден, психолог-лингвист из колледжа Гвиннетт в штате Джорджия. Но атмосфера невмешательства, царящая в Америке, вынуждает людей чувствовать себя абсолютно изолированно. Поколение за поколением это отсутствие институциональной поддержки подготавливает почву для роста альтернативных, иррационально настроенных групп.

Эта модель протестов также стала причиной роста сектантских движений в 1960—70-х годах, когда вследствие войны во Вьетнаме, борьбы за гражданские права и убийств братьев Кеннеди у американцев земля ушла из-под ног. Тогда духовные

практики становились популярными, но открытое господство традиционного протестантизма шло на убыль, и поэтому возникали новые движения, призванные утолить этот культурный голод. Они включали в себя все: от христианских ответвлений «Евреи за Иисуса» и «Дети Бога», до восточных братств ЗСО и буддизма «Шамбалы», от языческих групп («Завет богини» и «Церковь Афродиты») до научно-фантастических (сайентология и «Врата Рая»). Теперь некоторые ученые называют эту эпоху Четвертым Великим Пробуждением¹. (Первые три эпохи представляли собой череду фанатичных движений евангелического возрождения, прокатившихся по северо-востоку Америки в 1700—1800-х годах.)

В отличие от более раннего протестантского евангелического возрождения, четвертую эпоху определяли искатели, обратившие свой взгляд на Восток и оккультные учения, а также вдохновившиеся на поиски личного просветления. Точно так же, как нынешние «последователи культов», эти страждущие были преимущественно молодыми, контркультурными, политически дивергентными фигурами, которые чувствовали подвох со стороны облеченных властью. Если вы подписаны на какое-нибудь астрологическое приложение или когда-либо посещали музыкальные фестивали, то есть вероятность, что в 1970-х могли столкнуться с каким-то «культом».

В конечном счете, потребность в идентичности, цели и чувстве солидарности существовала очень давно, и культовые группы всегда возникали во время культурной неопределенности, когда эти потребности оставались абсолютно неудовлетворенными.

¹ Четвертое Великое Пробуждение началось с 1960 года в связи с наблюдавшимся ростом нетрадиционных церквей и мегацерквей.—
Прим. пер.

Новое и важное здесь то, что в эпоху господства Интернета, когда гуру может быть безбожником, входной барьер опущен до плинтуса, когда людям, придерживающимся альтернативных верований, найти друг друга легче, чем когда-либо раньше, светские культы, от фитнес-студий с одержимыми коучами до стартапов, которые подменяют «корпоративную культуру» собственным «культом», растут как грибы после дождя. К счастью или к несчастью, но сегодня существует культ для всех.

IV.

Два года назад, когда я решила оставить престижную (хотя и в чем-то похожую на секту) театральную программу моего университета ради лингвистической специальности и обсуждала это решение в разговоре с матерью, она сказала мне, что моя перемена убеждений не стала неожиданностью для нее, потому что она всегда знала, что я в принципе «не приемлю культы». Я предпочла воспринять эти слова как комплимент, т. к. определенно не хотела бы, чтобы меня охарактеризовали в противоположном ключе, но все же не могла расценивать их как похвалу. Так случилось, потому что культы с темным началом овеяны ореолом таинственности, они содержат аспект нетрадиционности, мистицизма, интимности. В этом смысле слово «культ» включает практически полный ассортимент смыслов, которые нам обычно требуются.

Это слово не всегда имело зловещий оттенок. Самая ранняя версия термина «культ» встречается в источниках XVII века, и тогда она звучала куда более невинно. В те времена это просто означало «возвращение долга божеству» или жертвоприношение для задабривания богов. Слова «культура» и «возделывание», происходящие от одного и того же латинского глагола *cultus*, морфологически близки слову «культ».

В значении, близком к современному, термин стал употребляться в начале XIX века, во время религиозного переполоха

в Соединенных Штатах. Американские колонии, практиковавшие свободу исповедания новых религий, приобрели репутацию безопасного убежища, где эксцентричные верующие могли чудить сколько душе угодно. Эта духовная свобода распахнула двери и для спасающихся бегством представителей альтернативных социальных и политических групп. В середине 1800-х годов сформировались и распались более сотни небольших идеологических объединений. Когда в 1830-х французский политолог Алексис де Токвиль посетил США, он не переставал удивляться тому, что «американцы всех возрастов, всех состояний и всех склонностей постоянно организовывали различные ассоциации». К «культам» того времени можно отнести такие группы, как «Коммуна Онейда», лагерь полиаморных коммунистов в северной части штата Нью-Йорк (забавно звучит), Общество Гармонии, эгалитарное сообщество любителей науки в Индиане (как мило) и (мой любимый) недолговечный культ веганского земледелия в Массачусетсе под названием «Фруктовые земли», который был основан философом Амоссом Бронсоном Олкоттом, аболиционистом, борцом за права женщин и отцом автора романа «Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт. Тогда «культ» просто служил своего рода церковной классификацией, наряду с «религией» и «сектой». Слово обозначало что-то новое или неортодоксальное, но не обязательно гнусное.

Термин начал приобретать мрачную репутацию ближе к началу Четвертого Великого Пробуждения. Именно тогда появление большого числа неконформистских духовных групп напугало консерваторов старой школы и христиан. Вскоре «культы» стали ассоциироваться с шарлатанами, жуликами и еретически настроенными фриками. Но они по-прежнему не считались

серьезной угрозой обществу или криминогенным фактором. **Только после убийств, совершенных «семьей» Мэнсона в 1969 году, за которыми последовало массовое самоубийство в Джонстауне в 1978-м (мы расследуем его во второй части книги) слово «культ» наконец-то стало символом страха.**

Ужасная смерть более 900 человек в Джонстауне (происшествие, повлекшее за собой самое большое число жертв среди гражданского населения Америки до 11 сентября 2001 года) повергла всю страну в шок. Некоторые читатели могут вспомнить последовавшую за этим «сатанинскую панику» 80-х, отличительной особенностью которой была параноидальная вера в то, что педофилы, поклонники Сатаны, терроризируют благополучные американские кварталы. Как писал социолог Рон Энрот в книге «Соблазн культов», вышедшей в свет в 1979 году: «Беспрецедентное освещение истории Джонстауна в СМИ... было предупреждением для американцев, заявлением, что внешне милосердные религиозные группы могут таить в себе адскую гниль».

Затем, когда страсти улеглись, культы стали выглядеть для широкой публики не только пугающими, но и привлекательными. Поп-культура 70-х породила такие термины, как «культовый фильм» и «культовая классика», описывающие многообещающий жанр андеграундных индифильмов наподобие «Шоу ужасов Рокки Хоррора». Такие группы, как «Фиш» и «Благодарный мертвец», прославились благодаря «культовым последователям» с бродяжническим образом жизни.

Спустя одно-два поколения после Четвертого Великого Пробуждения в среде интересующейся культами молодежи к этой эпохе начали относиться с прохладцей и ностальгией. Альтернативные группы из 70-х теперь могут похвастаться

некоей репутацией стиля винтаж. В наше время одержимость «семьей» Мэнсона родни обладанию богатой коллекцией винила и футболок времен хиппи. На прошлой неделе, находясь в салоне в Лос-Анджелесе, я подслушала, как женщина говорила своему стилисту, что собирается сделать прическу в стиле девушки Мэнсона: неухоженные волосы темно-коричневого цвета с пробором посередине. Недавно один мой знакомый 20 с небольшим лет устроил культовую вечеринку по случаю собственного дня рождения в нью-йоркской долине реки Гудзон — локации многочисленных исторических «культов» (включая «Семью»¹, «Нексиум» и бесчисленных ведьм) и музыкального фестиваля «Вудсток». Дресс-код? Все белое. Отфильтрованные фотографии гостей со стеклянными глазами в спортивных комбинезонах цвета слоновой кости и фразочки: «Ой, я не знал, что меня преследуют!» наводнили мою ленту в соцсети.

За прошедшие десятилетия слово «культ» было настолько романтизировано, что большинство экспертов, с которыми я разговаривала, даже не упоминают его. Их позиция состоит в том, что значение термина «культ» слишком широко и субъективно, чтобы его можно было употреблять, по крайней мере, в академической литературе. Казалось бы, совсем недавно, в 1990-е годы, социологи без проблем использовали этот термин для описания любой группы, «которую многие считают

¹ Есть несколько культовых групп, которые прячутся за распылчатым прозвищем Семья. Здесь речь идет о зародившейся в 60-х годах прошлого века эсхатологической коммуне «Нью-эйдж», которой руководила Энн Гамильтон-Бирн, инструктор по йоге с садистскими наклонностями родом из Австралии. Последняя (обычная история) претендовала на статус мессии и была арестована в конце 80-х за похищение более дюжины детей и жестокое обращение с ними (например, она заставляла их принимать ритуальные дозы ЛСД).

девиантной». Но не нужно быть социологом, чтобы увидеть в этой категоризации предвзятость.

Несколько ученых попытались уточнить и определить конкретные критерии «культы»: харизматичные лидеры, поведение, изменяющее сознание, сексуальная и финансовая эксплуатация, менталитет «мы — они» по отношению к не-членам, а также философия: «цель оправдывает средства». Стивен Кент, профессор социологии в Университете Альберты, добавляет, что термин «культ» обычно применяется к группам, которые в той или иной степени верят в сверхъестественное, хотя это не всегда так. (Ангелы и демоны обычно не пробираются в схемы пирамид косметических фирм. За исключением тех случаев, когда они это делают... Подробнее об этом в четвертой части книги.) Но Кент говорит, что все эти институты схожи в одном: дисбалансе сил, построенном на лояльности участников, поклонении героям и абсолютном доверии, что нередко способствует злоупотреблениям со стороны неподотчетных адептам лидеров. Связующий элемент, который поддерживает это доверие, — вера участников, что их лидерам доступна мудрость, которая выходит за пределы человеческого знания и позволяет им контролировать свою систему поощрений и наказаний, как здесь, на этом свете, так и на том. Судя по взятым мною интервью, эти качества, по-видимому, содержат в себе аспект, который многие обычные люди считают «настоящим культом» или «научным определением культа».

Но, как оказалось, у «культы» не существует официального научного определения. «Потому что оно по своей сути уничтожительно, — пояснила во время телефонного интервью Ребекка Мур, профессор религиоведения в государственном университете Сан-Диего. — Оно просто используется для описания групп,

которые нам не нравятся». У Мур свой подход к теме культов: две ее сестры погибли в бойне в Джонстауне, Джим Джонс смог заручиться их поддержкой для успешного осуществления своего плана. Но Мур сказала мне, что она не воспринимает слово «культ» всерьез, потому что оно, бесспорно, стало носить критический оттенок. «Как только кто-то его произносит, мы, как читатели, слушатели или отдельные лица, наверняка знаем, что надо думать об этой конкретной группе», — объяснила она.

Термин «промывание мозгов» постоянно и точно так же муссируется в средствах массовой информации, но почти каждый ученый, с которым я консультировалась при написании этой книги, либо избегает, либо отвергает его. «Мы не говорим, что солдатам промывают мозги, чтобы они убивали людей, это начальная военная подготовка, — предполагает Мур. — Мы не говорим, что членам студенческой корпорации промывают мозги, чтобы подшутить¹ над их [клятвами], это влияние сверстников». Большинство из нас склонны воспринимать выражение «про-

¹ Вот небольшая забавная история: в 1959 году представители одного культа в Южной Калифорнии провели необычную церемонию инициации. Мужчины, собиравшиеся вступить в клан, должны были доказать свою преданность, съев кошмарное блюдо из свиной головы, свежих мозгов и сырой печени. Когда один молодой новобранец по имени Ричард пытался выполнить задание, его стошнило этой смесью, но, отчаявшись, что его не примут в ряды последователей культа, он заставил себя ее проглотить. Тут же в его дыхательном горле застрял огромный кусок печени, и он задохнулся, к тому времени, когда его доставили в больницу, он был уже мертв. Но никаких уголовных обвинений так и не было предъявлено, потому что на самом деле это был не «культ», а студенческое братство Университета Южной Калифорнии, проводившее один из бесчисленных ритуалов посвята, которые зачастую были гораздо более отвратительными, диковинными и смертоносными, и включали в себя куда больше рвотных масс (и других биологических жидкостей), чем-то, что практикуется в большинстве альтернативных религий.

мывание мозгов» буквально, воображая, что во время внушения принципов культа происходит некая перестройка нейронов. Но промывание мозгов — это метафора. Она субъективна.

Мур была бы идеальным кандидатом, способным поверить в буквальное промывание мозгов, если учесть роль ее сестер в джонстаунской трагедии. Но она по-прежнему отвергает эту концепцию, потому что, во-первых, здесь игнорируется совершенно реальная способность людей к самостоятельному мышлению. Люди — не беспомощные трупы, чьи навыки принятия решений настолько неразвиты, что в любой момент их можно стереть с лица земли. «Если промывание мозгов было бы реальностью, — говорит Мур, — мы увидели бы гораздо больше опасных людей, суесящихся вокруг нас и планирующих осуществить предосудительные планы относительно нас». Проще говоря, ты не можешь заставить кого-то поверить во что-то, во что он не хочет верить ни при каких условиях, воспользовавшись неким инструментарием безнравственных методов для «промывания мозгов».

Во-вторых, утверждает Мур, «промывание мозгов» — это непроверяемая гипотеза. Чтобы теория соответствовала стандартным критериям научного метода, она должна быть спорной, т. е. надо иметь возможность доказать, что утверждение ложно. (Например, как только объекты начнут двигаться быстрее скорости света, мы поймем, что специальная теория относительности Эйнштейна ошибочна.) Но вы не сможете доказать, что «промывания мозгов» не существует. Как только ты скажешь, что кому-то «промыли мозги», разговор тут же закончится. Не будет возможности изучения подлинных мотивов человеческого поведения, что, оказывается, представляет собой куда более интересный вопрос.

Когда термины «культ» и «промывание мозгов» используются для описания любых сообществ: от сторонников политического кандидата до воинствующих веганов, они начинают пользоваться успехом в среде кабинетных терапевтов. Кому не хочется чувствовать себя лучше в психологическом и моральном отношении, при этом не задумываясь, в силу каких именно причин это происходит? И тот, кто называет целую группу людей последователями культа с промытыми мозгами, тоже не задумывается.

Это вредная и негативная тенденция, потому что не все «культы» порочны или опасны. По статистике, таких вообще немного. Баркер (социолог из Лондонской школы экономики) рассказывает, что из нескольких тысяч с лишним задокументированных ею альтернативных групп, которые можно назвать «культами», подавляющее большинство никогда не участвовали в какой-либо преступной деятельности. Мур и Баркер отмечают, что экстремистские сообщества получают известность только тогда, когда они совершают что-то ужасное, как, например, это случилось с «Вратами Рая» или Джонстауном. (И даже эти группы не планировали убийства и кровавую бойню. В конце концов, Джим Джонс начинал как пастор-интеграционист, а затем все более и более жаждал власти и обострял ситуацию, но большинство лидеров «культов» все же не зашли так далеко, как он.) Здесь возникает замкнутая обратная связь, только самые деструктивные культы привлекают внимание к себе, поэтому мы начинаем думать, что все культы деструктивны, и одновременно видим только деструктивные культы, поскольку те привлекают внимание, укрепляя свою негативную репутацию, и т. д., до бесконечности...

Тревожит и то, что слово «культ» слишком часто порочит религии, которые общество просто-напросто не одобряет. Многие

из сегодняшних старейших религиозных конфессий (католицизм, баптизм, мормонство, квакерство, иудаизм, большинство индейских религий и т. д.) когда-то считались в Соединенных Штатах нечестивым богохульством, а ведь американская нация формировалась на основе свободы вероисповедания. Сегодня американские альтернативные религии (как репрессивные, так и нет), от Свидетелей Иеговы до магии, повсюду считаются «культами». Китайское правительство настойчиво осуждает культовое зло новой религии Фалуньгун, несмотря на ее объективно миролюбивые принципы, которые включают терпение и сострадание, достигаемые посредством медитации. Баркер отметила, что в официальных отчетах из Бельгии, где преобладают квакеры (практически самая бесстрастная конфессия), они осуждаются как представители «культа» (фактически как *секта*, потому что слово *culte* сохранило во французском языке свой нейтральный оттенок).

Во всех странах мира культурная нормативность до сих пор связана с легитимностью религиозной группы, которую воспринимает общество, независимо от того, является ли ее мировоззрение более странным или более вредным, чем у группы с более прочным статусом. В конце концов, у какого крупного духовного лидера нет следов крови на руках? Как известно, религиовед Реза Аслан заявил: «Самая смешная шутка в религиоведении вот такая: культ + время = религия».

В США мормонство и католицизм существуют достаточно долго и поэтому снискали одобрение. Завоевав статус религии, они пользуются определенным уважением и, что немаловажно, общественной защитой в соответствии с Первой поправкой к Конституции. Из-за этой ненадежности критериев определение какого-либо явления как «культа» становится не просто

оценочным суждением, оно предопределяет реальные последствия, от которых зависит будет это явление жизнеспособным или уйдет в небытие. Прочитую Меган Гудвин, исследователя американских альтернативных религий из Северо-восточного университета: «Политические последствия определения какого-либо явления как культа реальны и нередко провоцируют насилие».

Как выглядят эти последствия? Копайте не глубже Джонстауна. Как только журналисты назвали жертв Джонстауна сектантами, их тут же отнесли к недоразвитому классу представителей человеческого рода. «Так публике было проще дистанцироваться от трагедии и ее жертв, отвергая их как слабых, легковерных, неприспособленных к жизни и недостойных посмертной славы», — писала Лаура Элизабет Вуллетт, автор романа «Красивый революционер», сочиненного по мотивам джонстаунских событий. «Тела не вскрывали. Семьям было отказано в своевременном возвращении останков родственников».

Возможно, самым значительным фиаско, вызванным демонизацией «последователей культа», стал эпизод с адептами «Ветви Давидовой» — жертвами печально известной осады Уэйко в 1993 году. Основанная в 1959 году, «Ветвь Давидова» представляла собой религиозное движение, восходящее к церкви адвентистов седьмого дня. На пике развития в начале 1990-х годов группа насчитывала около 100 членов, которые жили вместе в поселении Уэйко (штат Техас), готовясь ко Второму пришествию Иисуса Христа под авторитарным руководством Дэвида Кореша, утверждавшего, что он — пророк (как это делают многие эгоистичные лидеры новых религий). Обеспокоенные в силу понятных причин семьи адептов доложили о проис-

ходящем в ФБР, которое в феврале 1993 года попыталось взять штурмом резиденцию «Ветви Давидовой». Для «спасения последователей культа с промытыми мозгами прибыли несколько десятков агентов, вооруженных бронемашинами, винтовками и баллонами со слезоточивым газом. Но план штурма провалился. Он обернулся 50-дневной осадой, которая закончилась только после прибытия еще нескольких сотен агентов ФБР и применения слезоточивого газа, которым выкуривали сектантов из их укрытия. В итоге вспыхнул пожар, и около 80 сектантов погибли.

Вряд ли Кореша можно назвать невиновным во всем этом. Он был маниакальным и жестоким, и отчасти именно его упрямство стало причиной стольких жертв. Но свою роль здесь сыграл и страх, связанный со словом «культ». Если бы ФБР применило такое чрезмерное насилие к последователям более социально приемлемой религии, которая находится под защитой Первой поправки к Конституции, вероятно, это событие наделало бы гораздо больше шума. Однако осада резиденции «Ветви Давидовой» была санкционирована законом и одобрена обществом. «Религия является конституционно охраняемым институтом... и положение членов секты «Ветви Давидовой» в Уэйко выводит их из-под защиты государства», — объясняет Кэтрин Вессингер, религиовед из Университета Лойолы в Новом Орлеане. Возможно, ФБР отправилось «спасать» последователей секты, но, когда те погибли, мало кто из американцев волновался по этому поводу, потому что «Ветвь Давидова» не была церковью — она была «культом». Увы, такова семантика ханжества.

В классическом исследовании 1999 года известный стэнфордский психолог Альберт Бандура показал, что, если людей

обзывали такими бесчеловечными кличками, как животные, другие участники охотнее били их током и причиняли им вред. Кажется, что ярлык «культ» может выполнять аналогичную функцию. Это не означает, что некоторые группы, которые могли или могут быть названы культами, безопасны, разумеется, многие из них опасны. И наоборот, слово «культ» настолько эмоционально заряжено и так сильно нуждается в объяснении, что оно само по себе не помогает нам установить: опасна ли та или иная группа? Мы должны приглядеться внимательнее, быть конкретнее.

Пытаясь найти менее предвзятый способ изучения нетрадиционных духовных сообществ, многие ученые использовали нейтрально звучащие термины, такие как «новые религиозные движения», «эмерджентные религии» и «маргинализованные религии». Но, хотя эти фразы хороши в научном контексте, я полагаю, что они не совсем точно отражают суть «КроссФита», многоуровневых маркетинговых компаний, университетских театральных программ и других, трудно поддающихся категоризации учреждений, присутствующих в континууме влияния. Нам нужен более универсальный способ описания сообществ, которые так или иначе напоминают культы, но не обязательно связаны с религией. Вот почему мне нравится слово «сектантский».

V.

Я росла, очарованная всем, что связано с «культами», главным образом из-за моего отца. Ребенком он не по своей воле попал под влияние одного из них. В 1969 году, когда папе Крейгу Монтеллу было 14, его покойный отец и мачеха решили принять участие в только что созданном контркультурном движении. С юным Крейгом и двумя его сводными сестрами младенческого возраста они переехали в отдаленную социалистическую коммуну Синанон в пригороде Сан-Франциско. В конце 1950-х годов Синанон начал деятельность как реабилитационный центр для наркоманов, другими словами, «торчков», но позже круг участников расширился и стал принимать также ненаркозависимых «любителей образа жизни». В Синаноне дети жили в бараках вдалеке от своих родителей, и никому не разрешалось работать или ходить в школу за пределами коммуны. Некоторых участников заставили побрить голову, многие супружеские пары были разлучены, и бывшие мужья и жены получили новых партнеров. Но все жители поселения, безо всякого исключения, должны были играть в Игру. Она была ритуальным мероприятием: каждый вечер члены коммуны собирались в небольшие кружки и принимались часами прорабатывать свои ошибки. Эта практика являлась важнейшей составляющей жизни Синанона, на самом деле тамошняя жизнь делилась на две семантические категории: **в Игре и вне**

Игры. Эти конфронтации были представлены в качестве групповой терапии, но в реальности являлись формой социального контроля. В Игре не было ничего смешного, она длилась каждый вечер часами и могла быть враждебной или унижительной для игрока, при этом все-таки сохраняла «игровой элемент». Как выяснилось, эта разновидность экстремальной «правдоискательской» деятельности не является чем-то необычным в культовых группах. Джим Джонс проводил подобные мероприятия под названием «Семейные собрания» или «Встречи катарсиса»: для этого все последователи устраивали «среды» в Материнской церкви и собирались по вечерам. Во время этих встреч всех, кто каким-либо образом оскорбил группу, вызывали на Этаж, чтобы их друзья и близкие могли «оклеветать» их, и таким образом доказать свою преданность Делу. (Подробнее об этом во второй части книги.)

Я выросла на рассказах о Синаноне, услышанных от отца, который сбежал оттуда в 18-летнем возрасте и в итоге стал успешным нейробиологом. Теперь его работа заключается в постановке трудных вопросов и поиске ответов на них, а также в поэтапных доказательствах выдвинутых гипотез. Отец никогда не скупился на рассказы, потакая моему наивному любопытству и повторяя одни и те же истории о мрачных бараках Синанона и скудной пище, о том как в 15 лет встретился с биологом общины, доверившим ему медицинскую лабораторию. Пока мальчишки его возраста за воротами Синанона ссорились друг с другом из-за неразделенной щенячьей любви к ровесницам и подавали заявления в университеты, отец брал мазки из горла у членов общины и пробы на туберкулезную палочку с кончиков пальцев у работников пищевых цехов. Для него лаборатория была убежищем. Это было одно из редких мест на